

первичные качества становится тогда не более чем конкретизацией критерия реальности, который мы можем применить к любой вещи, видимой на расстоянии, — критерия актуального манипулирования этой вещью. При разработке этого критерия мы проецируем суждение в категориях переживания контакта на дистанцированное тело и на те посредники, благодаря которым достигается связь тела и организма, получая тем самым точное научное суждение о контролируемых условиях, при которых возникает переживание на расстоянии.

Реальность дистантного переживания, переживаемого в отдалении объекта или его качеств как качеств отдаленного тела, не исчезает даже в этом рефлексивном анализе. Тест завершения акта вовсе не устраняет реальность тех качеств, которыми обладает объект на расстоянии.

Перевод В.Г.Николаева.

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Р.Э.ПАРК

ПО ТУ СТОРОНУ НАШИХ МАСОК*

Нынешние различия между Востоком и Западом связаны во многом с тем, что китайцы называют «лицом».

В первых переговорах Китая с Европой китайская дипломатия неизменно преисполнялась ощущением триумфа всякий раз, когда ей удавалось найти формулу, спасающую лицо Китая, и неважно, какими были при этом материальные потери. Однако последние контакты с иноземными дьяволами принесли Китаю такие потери, которые уже не могут быть оправданы никакими дипломатическими формулами. Шок и унижение от постоянно преследующих поражений находят свое отражение в нарастающей волне национализма.

Вся нынешняя ситуация, сложившаяся между Японией и Соединенными Штатами, точно так же является в значительной мере вопросом этикета. Япония проиграла сражение в Америке еще до принятия *Exclusion Law* 1924 года¹. Положение японцев в Америке было окончательно подорвано принятием закона об иностранцах. Мало того, под влиянием не утихающего общего возбуждения и агитации, социальный статус японцев в Америке неуклонно падал все ниже и ниже. Законодательство и судебные решения упорно работали против выходцев с Востока. Глубоководные течения и подспудные потоки общественных чувств, несмотря на все попытки уgomонить общественное мнение, неудержимо влекли японцев, проживающих в Соединенных Штатах, в своего рода расовое гетто, в котором до того нашли прибежище китайцы.

Тем временем на Тихоокеанском побережье постепенно складывалась новая каста — каста, в которой уроженцу Востока суждено было занять такое же определенное положение, какое в американском обществе занимает негр, который, хотя и считается по закону гражданином, в социальном плане является отверженным. Эти силы, кроющиеся в глу-

* Перевод выполнен по изданию: Park R.E. Behind Our Masks // Park R.E. Race and Culture (Collected Papers. Vol. I). Glencoe, Ill.: The Free Press, 1950. P. 244–255. Впервые очерк опубликован в Survey Graphic. Vol. LVI. 1926. P. 135–139.

¹ Exclusion Law, или Exclusion Act (букв. «закон об исключении») — закон об ограничении въезда в США и высылке из страны иммигрантов. — *Прим. перев.*

Роберт Эзра Парк (1864–1944) — американский социолог, глава научной школы по социальной экологии.

тается посторонним и странным, представителем своей расы, а не соседом.

Эти расовые черты и расовые различия, конституирующие расовый тип и скрывающие индивидуального человека, не всегда, да и не совсем физические. Физические различия подчеркиваются и усиливаются различиями в одежде, манерах поведения, умении держать себя, а также характерными выражениями лица.

Евреев очень легко идентифицировать в самых разных районах мира не потому, что они, как считает Фишберг, являются расой в антропологическом смысле, а потому, что они имеют историю. «Многовековое заключение в гетто, беспрестанные страдания в условиях оскорблений и гонений способствовали формированию особого психического типа, проявляющего себя в том образце стойкости, который считается специфически еврейским».

Однако в конце концов еврей выходит из гетто и со всей естественной живостью и интеллектуальной виртуозностью, которая является его наследием, входит в различные сферы интересов этого современного космополитического мира. Старые неотвязные воспоминания его расовой истории уходят в историю. Он утрачивает свой характерный тип, свой образец стойкости и даже иногда свою душу. В необозримой волне космополитической жизни еврейский расовый тип не столько исчезает, сколько становится невидимым. Когда его перестают видеть, антисемитизм приходит в упадок. Ибо расовый предрассудок является функцией видимости. Расы же с «высокой видимостью», как говорят моряки, становятся естественными и неизбежными объектами расового предрассудка.

Эмансипация евреев происходила не без внутренней борьбы и внешнего конфликта. Само еврейство бросало из стороны в сторону противоречивыми течениями чувств. Когда движение этой расы вперед и во вне оказывалось слишком быстрым, оно неизменно провоцировало во внешнем нееврейском мире расовую реакцию, и еврейская жизнь отбрасывалась назад, к самой себе. Вследствие этого, происходит сжатие еврейского сообщества и его замыкание в самом себе. Тени стен старого гетто вновь вырастают вокруг него. Еврейство возвращается к источникам своего вдохновения и силы и начинает сознавать себя как народ особый, народ избранный, народ со своей судьбой и своей миссией.

Среди тех евреев, которые, долгие живя среди нас, дальше всего отошли от древнего наследия и глубже всего проникли в жизнь внеш-

него нееврейского мира, эти повторяющиеся вспышки расовых предрассудков и вызываемые ими внезапные изменения в еврейской жизни провоцируют глубокое моральное замешательство. Тем, кто однажды покинул гетто, непросто, а в длительной перспективе и невозможно вернуться обратно, даже если стены гетто перестали быть видимыми. Результат, однако, таков, что их охватывает чувство моральной изоляции; они чувствуют себя не вполне уютно как в нееврейском мире, так и в еврейском. Внешне жизнь идет как будто так же, как и раньше, но они охвачены ненасытной неугомонностью, и испепеляющая «тайная мука» гложет самое сердце их существования.

В свете этой истории старая легенда о «вечном жиде» обретает новый смысл, ибо невозможно уютно чувствовать себя в мире, где тебя никто не ждет и где ты никому не нужен, а еврея, как иногда ему кажется, не ждут нигде, даже в Иерусалиме. В нашем двадцатом столетии судьба еврея — быть гражданином мира в мире, где все еще господствует непримиримый национализм.

То, что не раз происходило в истории еврейского народа, произошло на Тихоокеанском побережье с уроженцем Востока, точнее говоря, происходит со вторым и третьим поколениями выходцев с Востока. На самом деле, только при помощи таких сравнений мы и можем понять нынешнее положение восточного человека в Америке.

Не так давно со мной произошло нечто любопытное. Я разговаривал с молодой японкой, которая не только родилась в Соединенных Штатах, но была воспитана в американской семье, в американском университетском городе, где не поддерживала почти никаких связей с членами своей расы. Я поймал себя на мысли, что жду от нее хотя бы легкого акцента, хотя бы какого-то жеста или интонации, которые бы выдали ее расовое происхождение. Когда мне не удалось разглядеть за восточной маской даже малейшего выражения восточной ментальности, я все же не мог избавиться от впечатления, что слушаю американку в японском облике.

Несколько месяцев спустя я вновь встретился с этой девушкой. Она только что вернулась из своей первой и, возможно, последней поездки в Японию. Она была необычно сдержанна, рассказывая о своих переживаниях, но объяснила, что ей невозможно было больше оставаться в Японии, хотя она всей душой этого хотела. Там она оказалась в специфически неудобном положении, ибо, выглядя японкой, не умела говорить по-японски, и, кроме того, ее одежда, ее язык, фактически все в

тается посторонним и странным, представителем своей расы, а не со-седом.

Эти расовые черты и расовые различия, конституирующие расовый тип и скрывающие индивидуального человека, не всегда, да и не совсем физические. Физические различия подчеркиваются и усиливаются различиями в одежде, манерах поведения, умении держать себя, а также характерными выражениями лица.

Евреев очень легко идентифицировать в самых разных районах мира не потому, что они, как считает Фишберг, являются расой в антропологическом смысле, а потому, что они имеют историю. «Многовековое заключение в гетто, беспрестанные страдания в условиях оскорблений и гонений способствовали формированию особого психического типа, проявляющего себя в том образце стойкости, который считается специфически еврейским».

Однако в конце концов еврей выходит из гетто и со всей естественной живостью и интеллектуальной виртуозностью, которая является его наследием, входит в различные сферы интересов этого современного космополитического мира. Старые неотвязные воспоминания его расовой истории уходят в историю. Он утрачивает свой характерный тип, свой образец стойкости и даже иногда свою душу. В необозримой волне космополитической жизни еврейский расовый тип не столько исчезает, сколько становится невидимым. Когда его перестают видеть, антисемитизм приходит в упадок. Ибо расовый предрассудок является функцией видимости. Расы же с «высокой видимостью», как говорят моряки, становятся естественными и неизбежными объектами расового предрассудка.

Эмансипация евреев происходила не без внутренней борьбы и внешнего конфликта. Само еврейство бросало из стороны в сторону противоречивыми течениями чувств. Когда движение этой расы вперед и во-вне оказывалось слишком быстрым, оно неизменно провоцировало во внешнем нееврейском мире расовую реакцию, и еврейская жизнь отбрасывалась назад, к самой себе. Вследствие этого, происходит сжатие еврейского сообщества и его замыкание в самом себе. Тени стен старого гетто вновь вырастают вокруг него. Еврейство возвращается к источникам своего вдохновения и силы и начинает сознавать себя как народ особый, народ избранный, народ со своей судьбой и своей миссией.

Среди тех евреев, которые, долгие живя среди нас, дальше всего отошли от древнего наследия и глубже всего проникли в жизнь внеш-

него нееврейского мира, эти повторяющиеся вспышки расовых предрассудков и вызываемые ими внезапные изменения в еврейской жизни провоцируют глубокое моральное замешательство. Тем, кто однажды покинул гетто, непросто, а в длительной перспективе и невозможно вернуться обратно, даже если стены гетто перестали быть видимыми. Результат, однако, таков, что их охватывает чувство моральной изоляции; они чувствуют себя не вполне уютно как в нееврейском мире, так и в еврейском. Внешне жизнь идет как будто так же, как и раньше, но они охвачены ненасытной неугомонностью, и испепеляющая «тайная мука» гложет самое сердце их существования.

В свете этой истории старая легенда о «вечном жиде» обретает новый смысл, ибо невозможно уютно чувствовать себя в мире, где тебя никто не ждет и где ты никому не нужен, а еврея, как иногда ему кажется, не ждут нигде, даже в Иерусалиме. В нашем двадцатом столетии судьба еврея — быть гражданином мира в мире, где все еще господствует непримиримый национализм.

То, что не раз происходило в истории еврейского народа, произошло на Тихоокеанском побережье с уроженцем Востока, точнее говоря, происходит со вторым и третьим поколениями выходцев с Востока. На самом деле, только при помощи таких сравнений мы и можем понять нынешнее положение восточного человека в Америке.

Не так давно со мной произошло нечто любопытное. Я разговаривал с молодой японкой, которая не только родилась в Соединенных Штатах, но была воспитана в американской семье, в американском университетском городе, где не поддерживала почти никаких связей с членами своей расы. Я поймал себя на мысли, что жду от нее хотя бы легкого акцента, хотя бы какого-то жеста или интонации, которые бы выдали ее расовое происхождение. Когда мне не удалось разглядеть за восточной маской даже малейшего выражения восточной ментальности, я все же не мог избавиться от впечатления, что слушаю американку в японском обличье.

Несколько месяцев спустя я вновь встретился с этой девушкой. Она только что вернулась из своей первой и, возможно, последней поездки в Японию. Она была необычно сдержанна, рассказывая о своих переживаниях, но объяснила, что ей невозможно было больше оставаться в Японии, хотя она всей душой этого хотела. Там она оказалась в специфически неудобном положении, ибо, выглядя японкой, не умела говорить по-японски, и, кроме того, ее одежда, ее язык, фактически все в

ней выдавало ее американское происхождение. Эта аномалия шокировала японскую публику как нечто скандальное, едва ли не жуткое. Когда она появлялась на улицах, за ней увязывались толпы людей. Они были возмущены — возможно, тем больше, что совсем недавно был принят закон об иностранцах, — появлением японской женщины в маскарадном облике американской леди.

Многие из первых японских иммигрантов, прибывших в Калифорнию и поселившихся со своими семьями на этой земле, имели весьма романтические представления об Америке. Они сознательно приехали сюда, чтобы разделить свою судьбу с американским народом, и воспитывали своих детей так, чтобы те стали американцами. Особенно это было верно для маленькой христианской колонии в Ливингстоне, которой посвящена статья в этом номере журнала². Теперь, однако, эти японские пилигримы лишены покоя и уверенности в своем будущем. Многие из них хотели бы вернуться в Японию, но их дети предпочли бы остаться здесь.

Между тем, нечто необычайное происходит в самих этих детях. Они вырастают американцами и, будучи таковыми, более или менее расположены к принятию тех оценок японцев и вообще людей с Востока, которые приняты в сообществах, в которых они живут. Дети усваивают господствующие в сообществе установки благодаря своего рода моральной инфекции, даже у взрослых нет к ним иммунитета, и бывают моменты, когда они не вполне способны избавиться от того «опустошающего чувства неполноценности», которое временами посещает всех нас, моменты, когда они могут сказать то, что говорят иногда члены других расовых меньшинств: «Я ненавижу свою расу! Я ненавижу самого себя!»

Таким образом, конфликт между восточным и западным человеком, проявляющийся в одном из своих аспектов как внешний и международный, приобретает в другом аспекте характер внутреннего и морального конфликта. Он становится конфликтом лояльности, борьбой за то, чтобы связать воедино нити разделенного Я, найти место для жизни и сберечь собственную моральную целостность в мире, где вряд ли можно надеяться на понимание или признание. Ибо восточный человек, родившийся в Америке и получивший образование в наших западных школах, является по своей культуре человеком западным, даже если по расе он принадлежит Востоку, и это верно до такой степени, ко-

² См.: Survey Graphic. Vol. LVI. 1926.

торую никто, не исследовав этот вопрос беспристрастно и из первых рук, скорее всего не сможет даже представить.

Вероятно, не просто историческая случайность, что слово «персона» в своем первоначальном смысле означает маску. Скорее всего, это признание того факта, что каждый всегда и везде более или менее осознанно играет роль. Мы родители и дети, господа и слуги, учителя и ученики, профессионалы и клиенты, гои и евреи. Именно в этих ролях мы знаем друг друга; и именно в этих ролях мы знаем самих себя.

Сами наши лица являются живыми масками, которые отражают, конечно же, меняющиеся эмоции нашей внутренней жизни, но стремятся все более и более соответствовать тому типу, который мы пытаемся олицетворять. Не только каждая раса, но и каждая национальность имеет свое характерное «лицо», свою общепризнанную маску. Как указывает Эмерсон в «Английских чертах»: «Каждая религиозная секта имеет свою физиономию. Методисты обрели свое лицо, квакеры — свое, монахины — третье. Англичанин будет представлять своими манерами диссентера. Ремесла и профессии запечатлевают собственные линии в лицах и формах».

В некотором смысле и в той мере, в какой эта маска репрезентирует то представление, которое мы сформировали о самих себе, — роль, в соответствии с которой мы пытаемся жить, — эта маска есть наше подлиннейшее Я, то самое Я, которым мы хотели бы быть. В конце концов, наше представление о своей роли становится второй натурой и неотъемлемой частью нашей личности. Мы приходим в мир как индивиды, приобретаем характер и становимся персонами.

Итак, одно из поразительных различий между восточными и западными людьми состоит в том, что первые более сознательны, более консервативны в своем поведении, чем мы. Они изысканнее в своих манерах и педантичнее в сохранении социальных форм. Этикет для восточных народов — дело неизмеримо более серьезное, чем для народов западных. Именно поэтому китайцы почти ни перед чем не останавливаются, лишь бы сохранить свое лицо. «Спасти лицо» — значит сберечь установку и сохранить самообладание.

Еще не так давно, согласно Лафкадио Хэрну, японцы считали нарушение этикета преступлением и даже грехом. Было время, когда самурай мог убить индивида из низших классов только за то, что тот был повинен в грубости, а грубияна определяли как «человека, от коего не

знаешь, чего ожидать». Чтобы совершить проступок, заслуживающий смерти, достаточно было вести себя «неожиданно».

Этикет не характерен для индивидуалистического общества наподобие нашего. Демократия нетерпима к формам. Социальные дистанции, которым все еще поддерживаются в Японии, где этикет превратился в изящное искусство, совершенно непостижимы для среднего американца. Вместе с тем нетерпеливое прямотушие, приводящая в замешательство откровенность наших речей и манер поведения, отсутствие застенчивости, которое мы повсюду выказываем, шокируют безупречно воспитанного уроженца Востока — притом, подозреваю, как нечто не просто недостойное, но почти непристойное.

Люди Востока, в отличие от остальных из нас, живут почти целиком под прикрытием маски. И, что вполне естественно, мы неправильно их понимаем и приписываем им изворотливость и хитрость там, где на самом деле имеет место подчинение укоренившейся традиции. Американец, польщенный поначалу учтивостью своего японского слуги, позже, возможно, станет приводить в упрек этой расе тот факт, что «мы никогда не можем сказать, о чем японец думает». «Мы никогда не знаем, что творится в их головах».

Все меняется, однако, во втором поколении. Контраст между китайцем, родившимся в нашей стране, и его родителями иногда прямо-таки разителен. Рожденные здесь сыновья чаще всего бесцеремонны и фамильярны. Если они входят в ваш дом, то пользуются не черным ходом, а парадной дверью. У них нет ни малейшего намерения следовать по стопам родителей, и обычно они говорят с некоторой долей презрения об «улыбчивом подбострастии» тех верных китайских слуг старшего поколения, о которых жители Тихоокеанского побережья отзываются с нежностью и сожалением — теперь, когда они уже канули в прошлое.

В случае японцев разрыв между старшим и молодым поколением обычно не столь резок и не столь окончателен, но все же рожденные в Америке японцы вряд ли останутся на ферме, причем даже в тех случаях, когда они способны реализовать амбиции своих родителей и стать собственниками. И дело здесь не просто в том, что они заразились так называемым американским духом, но и в том, что они не могут вынести изоляции сельского сообщества. Те самые силы, которые вовлекли когда-то еврея в свободную атмосферу города, делают японского фермера горожанином. Вместе с переменой места жительства и идеалов произошла внезапная мутация в расовых характеристиках. Вероятно,

для уроженца Востока, как и для других иммигрантских народов, верно, что в процессе американизации модифицируются только поверхностные черты, но *большинство расовых черт, определяющих расовые отношения, поверхностны.*

Факты, отражающие природу и масштабы изменений, происходящих в манере поведения и характере молодого поколения выходцев с Востока, по всей видимости, наиболее важны среди тех, которые выявило наше исследование расовых отношений на Тихоокеанском побережье. Эти факты подчеркивают и укрепляют растущее среди исследователей человеческой природы убеждение, что самые значимые, если не самые фундаментальные, различия между нациями и народами отражаются, помимо физических характеристик, в их манерах, их этикете и тех представлениях, которые они формируют о самих себе. Иными словами, характерные особенности народа являются не столько врожденными качествами, сколько условностями.

Но условности меняются. Они изменились со времен войны в Европе. В Италии Муссолини ввел новую моду, и итальянский характер зримо меняется под влиянием нового национального идеала. Немцы приобрели в Европе роль, решительно отличающуюся от той, которую они пытались играть до войны. И немецкий характер — во всяком случае, все внешние черты этого характера — меняются.

Среди того, что открыли в отношении человеческого поведения наши последние исследования в области индивидуальной психологии и психиатрии, нет ничего более интересного и удивительного, чем внезапные изменения, происходящие в личности под влиянием устойчивого настроения, особенно если это настроение ложится в основу нового представления индивида о самом себе. Когда такие перемены настроения происходят у целого народа и настроение индивидов укрепляется и поддерживается заразительным влиянием других, манеры и обычаи, искусство и литература, все естественные формы выражения отражают это изменение в установке и ориентации.

Физические черты, однако, не меняются. Восточный человек в Америке переживает глубочайшее преобразование в своих чувствах и установках, но не в силах изменить свои физические характеристики. Он все еще вынужден носить свою расовую униформу; он не может, как бы иногда ему этого ни хотелось, сбросить с себя свою расовую маску.

Физические признаки расы, поскольку они повышают расовую зримость, неизбежно сегрегируют расы, разделяют их, продлевая и интен-

сифицируя тем самым расовый конфликт. Если и в самом деле мы видим поначалу в чужаке именно тип, то есть абстракцию, а не индивида, то столь же верно и то, что именно индивидуальность, а не тип видим мы в наших друзьях. Есть одна курьезная особенность в человеческих лицах: когда мы смотрим на них отвлеченно и беспристрастно, большинство их ужасно, некоторые просто жуткие, и все они в большей или меньшей степени являются карикатурами. Только по мере того как мы узнаем, какие чувства, страсти и парадоксально меняющиеся настроения они отражают, эти лица становятся для нас интересными. И в действительности только тогда, когда лица начинают что-то для нас выражать, люди, скрытые за этими живыми масками, становятся для нас в полном смысле слова людьми.

Курьезно и любопытно, что это особое качество, которое мы называем человечностью, должно быть столь неразрывно связано с выразительностью. Человеческий интерес (в том смысле, в каком мы обычно используем это выражение) приковывается ко всему, что является «выразительным», то есть ко всему, что предполагает, символизирует или приоткрывает те чувства и страсти, бушующие в других, которые мы непосредственно сознаем в самих себе. Лица, которые мы знаем, не таят для нас никаких секретов. По этой причине, если уж не по какой-то другой, мы чувствуем себя с ними надежно и уютно, чего нельзя сказать, когда нас окружают менее знакомые лица. Самое выразительное, самое человеческое из лиц, которое мы знаем, — это, вероятно, лицо матери; либо это может быть лицо старой няни или даже старой кормилицы-негритянки.

Одно из первых и самых важных открытий, обычно делаемых человеком, когда он впервые сталкивается с чужим народом, заключается в том, что сколь бы отличным от нас и странным он ни казался, стоит лишь узнать этих людей поближе, как они оказываются очень похожими на нас. Чтобы осознать это, всегда нужна работа воображения. Ведь их лица для нас невыразительны, а мы, в свою очередь, не откликаемся на чувства, внешнее выражение которых не способны истолковать.

Когда мы говорим, что человеческая природа в основе своей повсюду и всегда одна и та же, мы просто имеем в виду, что когда нам удастся проникнуть в мотивы, стоящие за обычаями и поведением, которые казались нам поначалу странными, инородными и отталкивающими, это неизбежно оказываются такие мотивы, которые при схожих обстоятельствах могли бы двигать и нами.

Старая французская поговорка гласит: «Понять — значит простить». С другой стороны, неспособность понять открывает дорогу как романтическим, так и зловецким интерпретациям. Мы очень склонны приписывать что-то дурное поведению, мотивов которого мы не понимаем. Фактически, только в той мере, в какой нам удастся проникнуть силой своего воображения в жизни и опыт других, мы считаем их такими же людьми, как и мы.

Одна из причин, по которой иммигранты кажутся нам чуждыми и иными, заключается в том, что во взаимоотношениях с нами они более самосознательны и скрытны, чем во взаимоотношениях друг с другом. С другой стороны, они самосознательны и скрытны именно потому, что чужды нам и отличаются от нас. Это порочный круг. Чем более различны расовые различия, тем интенсивнее расовое самосознание и тем больше та *социальная дистанция*, которая отделяет пришлые народы от коренных.

Со временем, однако, то, что было странным, становится знакомым. Мы открываем в манерах другого народа отражение тех же человеческих мотивов и желаний, которые сознаем в самих себе. Поведение, шокировавшее нас прежде своей необычностью, становится знакомым и понятным. Лица, которые некогда были непроницаемы, становятся выразительными и человеческими.

Таким образом, расовая проблема оказывается, по крайней мере в одном из аспектов, проблемой коммуникации. Барьерами для коммуникации служат не только различия языка и культуры, но, даже больше, различия самосознания, расового сознания и сознания рода; не физические расстояния, а социальные дистанции. Когда бы представители разных рас ни встречались и ни открывали один в другом за внешними расовыми различиями чувства, вкусы, интересы и вообще человеческие качества, которые они способны понять и к которым они могут отнестись с уважением, расовые барьеры подтачиваются и со временем рушатся. Личные отношения и личные дружеские привязанности — великие моральные растворители. Под их воздействием все классовые, кастовые и даже расовые различия исчезают в общем потоке, который мы иногда называем демократией.

Один мелкий государственный чиновник однажды сказал: «Какая может быть конституция между друзьями?» Как воплощение моральной доктрины этот вопрос с вытекающими из него следствиями требует серьезных уточнений, но как с констатацией психологического фак-

та с ним следует считаться. Что значат в отношениях между друзьями всякие конвенции, моральные кодексы, политические доктрины или институты? Именно персональные дружеские связи коррумпируют политику. Не только политика, но и все наши формальные и договорные отношения подрываются теми первичными лояльностями, которые коренятся в личных привязанностях. Нет способа сохранить существующие социальные барьеры, кроме как сохраняя те существующие неприязни, которые их поддерживают.

Мы должны считаться с тем фактом, что — хорошо это или плохо — в условиях современной жизни эти личные дружеские привязанности неуклонно возрастают. Торговля, путешествия, литература, каждая форма коммуникации приумножают их количество. Кроме того, наши церкви, миссии и христианские ассоциации, наряду с другими организациями, систематически пытаются их не только приумножить, но и институционализировать. В своих попытках достичь этого они могут создавать новые предрассудки, но уж во всяком случае при этом подрывают старые. Поистине в самой природе религиозного предприятия заложено то, что оно должно идти вразрез с любым движением, пытающимся стабилизировать общество на основе расы.

В конце заседания Института тихоокеанских отношений, состоявшегося прошлым летом в Гонолулу, член японской делегации обобщил результаты этой уникальной встречи в одном замечании, вскользь брошенном, но проясняющем суть дела. «Да, наши установки кардинально изменились, — сказал он от себя и от лица японской делегации, — но наши мнения остаются теми же самыми». Дискуссии и, пожалуй, в еще большей степени завязавшиеся близкие дружеские отношения, бесспорно, изменили чувства каждого из участников конференции, пусть даже не изменили их программы. Значительная доля той обиды, которая столь часто отравляла международные и межрасовые отношения, исчезла в ходе обсуждения. Проблемы, остававшиеся до сих пор делом принципа и национального достоинства, перешли в этой дружеской атмосфере в категорию вопросов, по которым нужно договариваться. А сам этот институт был назван «приключением в дружбе».

Задачу исследования расовых отношений на Тихоокеанском побережье можно было бы определить примерно так же. Оно было нацелено на получение знания, которое изменило бы не столько мнения, сколько установки. Целью была не кристаллизация мнения какой-то одной из сторон, а, скорее, обеспечение такого контекста, в котором спорные

вопросы можно было бы обсуждать в более дружественном духе, создание ситуации, в которой общие интересы, в противоположность сектантским, партийным и расовым, могли бы учитываться более осознанно и разумно. Непредвзятое исследование фактов, как нам казалось, должно было по крайней мере уговорить страсти и очистить ситуацию от какой-то части заключенной в ней горечи.

Необходимо было дать обзор фактов и проблем, но наше исследование пыталось выйти за рамки мнений и программ партий и сект, добраться до самых источников общественного мнения — конкретных переживаний, личных чувств и частных унастроений отдельных людей, в сравнении с которыми практика предъявления доводов и пропаганды, как на судебном заседании, предстает, в конечном счете, своего рода маскарадом. С точки зрения исследования расовых отношений, ситуация на Тихоокеанском побережье — не столько проблема политики, в обычном смысле этого слова, сколько проблема поведения, коллективного поведения. Именно в этом смысле и именно с этой целью был задуман специальный номер журнала *The Survey*, посвященный Востоку.

Перевод В.Г.Николаева.